

М. Бахтин и Г. Шпет в контексте герменевтики и теории коммуникации: наследие и перспективы исследований

M. Bakhtin and G. Shpet in the Context of Hermeneutics and Communication Theory: Legacy and Research Prospects

DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-6-14-23

Получено: 15 сентября 2022 г. / Одобрено: 22 октября 2022 г. / Опубликовано: 26 декабря 2022 г.

**Сяо Цзинъюй (萧净宇)**

Профессор, д-р философии в области философии, Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли (КНР), проспект Байюнь Север, район Байюнь, Гуанчжоу, Китай, 510420, e-mail: najia0802@163.com

Xiao Jingyu

Professor, Ph.D. in Philosophy, Guangdong University of Foreign Studies, China, e-mail: najia0802@163.com.

**О.Ю. Иванова**

Канд. культурологии, доцент, президент Общероссийской общественной организации «Союз переводчиков России», Москва, ул. Авиамоторная, д. 50, стр. 2, e-mail: terentia@mail.ru

O.Yu. Ivanova

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, President of the Union of Translators of Russia, e-mail: terentia@mail.ru

Аннотация

М.М. Бахтин и Г.Г. Шпет играют важную роль в истории гуманитарных наук в России. Их философские взгляды соответствуют времени их жизни и в целом отражают тенденции развития гуманитаристики первой половины XX в. Авторы статьи демонстрирует тесную связь и определенную преемственность философских взглядов и принципиальных позиций в теоретических концепциях Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина. Это касается не только общих научных истоков и общих преференций в современных им научных исследованиях, но, прежде всего, концептуального схождения в ряде принципиальных вопросов, объединяющих обоих ученых рамками герменевтики, и конкретнее — герменевтической модели коммуникации. Это касается общих взглядов на методологию гуманитарного знания, методологию познания, интересующих понимания, интереса к динамике развития, со-бытию и поступку, отношения к слову как к знаку, к контекстуализации как условию обретения смысла, отношения к речи как к поступку, её принадлежности автору, в целом — интереса к практике социального взаимодействия людей и др. Теории Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина, каждая по-своему, ценны, многогранны и до конца не исчерпаны с точки зрения научного потенциала, проекции и влияния на современную гуманитарную науку. Авторы настаивают на необходимости рассматривать герменевтическую составляющую творчества М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета в tandem, используя методологию сравнительно-сопоставительного анализа. Особый акцент делается на том, что М.М. Бахтин развил и использовал в своих трудах принципы герменевтики Г.Г. Шпета, в частности, его герменевтическую модель коммуникации, расширив её культурологической составляющей и распространив «на все знаковые явления интеллектуальной жизни». Большой научный интерес представляет комплексное (сравнительное) исследование всех научных трудов М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета как совокупный феномен истории русской (советской) философии, в том числе во взаимосвязи с коммуникативистикой. Такое исследование, по мнению авторов, чрезвычайно востребовано и могло бы дать полезные результаты именно сейчас. Узловые концепты теорий Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина — личность, уникальность, идентичность, индивидуальность, слово, ценность, поступок, ответственность, понимание, диалог — становятся более чем актуальными научными категориями и целевыми установками динамики развития мира и общества с позиции всех форм и аспектов переживаемой нами глобализации, в условиях проявления радикального национализма и популизма, с учетом современных тенденций международных отношений и социального взаимодействия.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Г.Г. Шпет, гуманитаристика, герменевтика, герменевтическая модель коммуникации, теория коммуникации.

Abstract

M.M. Bakhtin and G.G. Shpet play an important role in the history of the humanities in Russia. Their philosophical views correspond to the time of their lives and generally reflect the tendencies in the development of the humanities in the first half of the twentieth century. The authors of the article demonstrate a close connection and a certain continuity of philosophical views and principled positions in the theoretical concepts of G.G. Shpet and M.M. Bakhtin. This concerns not only common scientific origins and common preferences in their contemporary scientific research, but, above all, conceptual convergence in a number of fundamental issues that unite both scientists by the framework of hermeneutics and, more specifically, the hermeneutical model of communication. This concerns common views on the methodology of humanitarian knowledge, the methodology of cognition, the intersubjectivity of understanding, an interest in the dynamics of development, co-being and deed, an attitude to the word as a sign, to contextualization as a condition of finding meaning, an attitude to speech as a deed, its belonging to the author, in general — an interest in the practice of social interaction between people, etc. The theories of G.G. Shpet and M.M. Bakhtin, each in its own way, are valuable, multifaceted and not fully exhausted in terms of scientific potential, projection and influence on modern humanitarian science. The authors insist on the need to consider the hermeneutic component of the works of M.M. Bakhtin and G.G. Shpet in tandem, using the methodology of comparative and comparative analysis. Particular emphasis is placed on the way in which M.M. Bakhtin developed and used in his works the principles of G.G. Shpet's hermeneutics, in particular his hermeneutic model of communication, extending it with the cultural component and extending "to all the sign phenomena of intellectual life". Of great scientific interest is the comprehensive (comparative) study of all the scientific works of M.M. Bakhtin and G.G. Shpet as an aggregate phenomenon in the history of Russian (Soviet) philosophy, including its relationship to communicativism. Such a study, in the opinion of the authors, is extremely needed and could yield useful results right now. The key concepts of G.G. Shpet and M.M. Bakhtin's theories — personality, uniqueness, identity, individuality, word, value, deed, responsibility, understanding, dialogue — become more than relevant scientific categories and targets of the dynamics of world and society development from the perspective of all forms and aspects of globalization we are experiencing, in conditions of radical nationalism and populism, with regard to modern trends in international relations and social interaction.

Keywords: M.M. Bakhtin, G.G. Shpet, humanitarianism, hermeneutics, hermeneutical model of communication, communication theory.

Работа написана при поддержке Фонда планирования гуманитарных и социальных наук Министерства образования КНР (2021年度中国教育部人文社科规划项目:21YJA752012)

Введение

В системе и истории гуманитарных наук России М.М. Бахтин (1895–1975) и Г.Г. Шпет (1879–1937) занимают чрезвычайно важное место. И тот и другой добились высочайших академических достижений в литературоведении, философии, историко-культурных исследованиях и лингвистике, во многом предопределив развитие современных направлений гуманитаристики в России и за рубежом. Их судьбы и жизненный путь в России и Советском Союзе оказались очень похожи. Различие же состоит в том, что М.М. Бахтин получил широкую мировую известность после того, как в середине 1960-х, в эпоху оттепели, «был открыт» сначала у себя на родине «благодаря молодым сотрудникам Института мировой литературы В. Кожину, В. Турбину, С. Бочарову, Г. Гачеву» [18, с. 47], а с середины 1980-х — и на Западе [Там же]. Между тем Г.Г. Шпет до сих пор остается малоизвестным. Однако научные взгляды Шпета не только сопоставимы с выводами и мыслями Бахтина, но с точки зрения герменевтики в целом (как важного компонента и метода философии языка и философии литературы) и герменевтической модели коммуникации, в частности [22, с. 364] были выдвинуты и обоснованы задолго до Бахтина. Нельзя не признать, что, безусловно, более масштабная культурологическая модель коммуникации, разработанная Бахтиным, в определенной мере, как на составной методологический компонент, опирается на герменевтическую модель коммуникации Шпета.

Авторами предлагаемой статьи предпринята попытка сравнить научные взгляды двух философов на герменевтику в целях дальнейшего развития и совершенствования содержания и методологии исследований русского языка с позиции его философии (в качестве самостоятельного феномена в общей структуре философии языка) и его коммуникативного функционала (русская речь как инструмент коммуникации).

Методы и материалы

В своем исследовании авторы опираются, прежде всего, на материалы, представленные в научных текстах¹ в целях углубления знаний о взглядах двух ученых для проведения сравнительно-сопоставительного анализа их позиции в отношении герменевтики и герменевтической модели коммуникации, предполагают использовать эти теоретические знания и научные данные сравнительно-сопоставительного анализа для совершенствования теоретических подходов к философии языка в части оценки онтологии

феномена русского языка. При этом главным ориентиром для авторов в процессе анализа этих материалов и их теоретической оценки являются перспективы научной поддержки функционала русского языка как инструмента коммуникации. Это направление исследований находится в пространстве прикладной лингвистики и коммуникологии. Таким образом, в нашем исследовании одновременно определяются как целевые и решаются в предварительном порядке вопросы теории и практики. Методология предлагаемого исследования и его перспективы, опираясь на научно-теоретические методы, имеют практико-ориентированный характер, сочетают теоретическую дескрипцию с практико-ориентированной прескрипцией. Исследование претендует на то, чтобы быть междисциплинарным и комплексным.

Теоретическую основу исследования составили материалы опубликованных в России (и в Советском Союзе) теоретических работ М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета [1–5; 24–27], а также принципиально важные в контексте анализа научного наследия этих ученых работы их предшественников, современников и последователей [9–23; 28–29].

Дискуссия

Герменевтика и коммуникация. Пресуппозиция исследования

В качестве общей пресуппозиции мы выдвигаем идею о том, что в основе герменевтических и — шире — коммуникативных концепций М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета лежит «герменевтическая модель коммуникации» [22], суть которой — во всепроникающем Диалоге, который, в свою очередь, является основой, функцией и главным стимулом развития мира и общества в процессе перманентного появления контекстуально обусловленных вопросов и ответов всеобщего герменевтического круга.

Благодаря утвердившемуся в науке мнению Г. Риккерта [21] долгое время считалось, что В. Дильтей (1833–1911), известный немецкий философ, разделит «по предмету» все науки на «науки о природе» и «науки о духе». Ряд современных ученых, оценивая специфику подхода В. Дильтея к «наукам о духе», не считает возможным рассматривать этот подход с позиции только одного компонента, т.е. только с позиции «предмета». Например, по мнению Л.Ю. Писарчика, «внимательное изучение работ В. Дильтея позволяет увидеть, что он разделяет две группы наук и по предмету, и по методу» [17, с. 56]. Таким образом, именно характер гносеологии и методологии герменевтики, основанные на «понимании и толковании», предполагают, согласно двуединому подходу В. Дильтея, её включение в число «наук о духе». Именно этот подход определяет возможность

1 Оригинальные исследования М.М. Бахтина, Г.Г. Шпета и их предшественников в области герменевтики; научные статьи, посвященные анализу произведений и научных концепций М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета.

и необходимость применения в рамках герменевтики метода «описательной психологии», сущность которого сформулирована в тезисе о том, что «содержание сознания — это отношение мира и Я» [29]. Этот тезис однозначно соотносится с принципом всепроникающего Диалога М.М. Бахтина [18] и ранее сформулированной идеей герменевтической модели коммуникации Г.Г. Шпета [22]. Коммуникативная природа методологии герменевтики определяется, по Дильтею, тем, что изучение духовной жизни возможно только в процессе изучения (понимания и интерпретации) общественных продуктов. Общественные продукты являются результатом деятельности общества, сущность и основное условие существования которого связаны с коммуникацией в самых разных ее проявлениях и формах. Следует отметить, что сам Бахтин указывал, что преимущественное влияние на него как философа оказали идеи Г. Когена [7, с. 83; 18, с. 48], которого современные исследователи без всяких сомнений относят к числу активных разработчиков философии Диалога в рамках общей теории познания [10]. Методология и базовые категории его исследований, безусловно, несут на себе влияние и В. Дильтея, и Г. Когена.

Сопоставительный анализ концепций М. М. Бахтина и Г. Г. Шпета

Исследования М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета лежат, прежде всего, в пространстве философии, они толкуют духовную жизнь людей через изучение теории (точнее — философии) литературы и философии языка, с точки зрения методологии и принципов науки о духе. Их исследования связаны с герменевтикой как наукой. Они пересекаются и сопоставимы в рамках следующих разделов философии.

Теория познания

Философия языка Бахтина сформировалась в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Герменевтика является важным аспектом уникальной теории познания Бахтина и обосновывается именно ее принципами. Бахтин не апеллирует непосредственно к теории познания, к эпистемологическим вопросам, это видно из его публикаций ранних лет (см., например, «Автор и герой в эстетическом событии», первая половина 1920-х гг.; «Марксизм и философия языка», 1929 г.). В некоторых из своих поздних работ он исследовал происхождение и состояние трансформации эстетических образов времени, пространства и т.д. Для Бахтина познание происходит через понимание, которое возможно только в форме Диалога. Главная цель познания-понимания — человеческий дух в его обобщенном, онтологическом виде. Опираясь на

свои исследования, Бахтин шел к разрешению проблемы понимания человеческого духа, т.е. к пониманию и философскому обоснованию гуманитарных наук¹.

Если в ранних работах ученого были даны основные понятия философской этики и эстетики, то в его исследовании «К философским основам гуманитарных наук» 1930-х и 1940-х гг. проявились гносеологические аспекты его теории: он затронул эпистемологические принципы получения знаний [4, с. 227–231]. В этом исследовании он рассматривает познание через *диалог* и использует *диалог* для решения проблем познания и бытия в системе триединства: Я, Другой и Мир (Бытие и Событие), в системе «категорий «я-для-себя», «другой-для-меня» и «я-для-другого» [18, с. 48]. В *диалоге* Бахтина соединяются в единое целое антропология и онтология. Само бытие он определяет как диалогическое общение. В этом и состоит его гуманистическое видение диалога как коммуникации (события, поступка) с целью познания. Его идеи при всей своей оригинальности, безусловно, пересекаются с направлениями традиционной западной герменевтики — его понимание «вещей» и «людей», утверждения, что «объект науки о человеке есть бытие представления и речи». А в утверждении Бахтина о том, что «бытие означает диалогическое общение», мы находим и отголоски хайдеггеровской экзистенциалистской герменевтики [Там же]. Различие между М.М. Бахтиным и М. Хайдеггером состоит в том, что последний исходил из принципов идеализма, рассматривающего познание как некую форму отождествления, слияния субъекта и объекта, тогда как Бахтин, стремясь представить гуманистическую сущность познания, вводит такие категории, как *Личность*, *Я и Ты*, *Деяние*, *Поступок*, *чужая Индивидуальность* и др. Бахтин рассматривает и противопоставляет субъективность и интерсубъективность в рамках диалектического единства. Такого рода диалектическое понимание духовного общения коренным образом отличается от западной герменевтической мысли [Там же].

Г.Г. Шпет, как и М.М. Бахтин, использовал герменевтические методы В. Дильтея для толкования методологии гуманитарных наук. Однако герменевтика Шпета в большей степени несет на себе отпечаток русской философской традиции. Серия его работ, таких как «Явление и смысл», «Герменевтика и ее проблемы», «Эстетические фрагменты», «Язык и смысл», «Внутренняя форма слов», «Психология социального бытия», отражает, прежде всего, онтологическую традицию русской философии [8, с. 388].

¹ См., в частности, «Ответ на вопрос редакции “Нового мира”» (1970) [1, с. 328–335]; «К методологии гуманитарных наук» (1975) [1, с. 361–373]; «Текст как высказывание» (1976) [2].

Как считают некоторые современные российские ученые, именно в «полемике» с отражением этой традиции в герменевтике Г.Г. Шпета сформировались основные положения герменевтики М.М. Бахтина [16, с. 244; 28, с. 131].

Теория и методология познания, реализуемая в работах Г.Г. Шпета, комплексна и многоаспектна. Еще в 1914 г. Г.Г. Шпет в своей книге «Явление и смысл» выдвинул идею «общественного бытия», очень схожую с идеей «Всеединства»¹, которая была центральной темой в философском учении В.С. Соловьева. В соответствии с традициями русской философии для Шпета характерна антропоцентристская позиция. Одновременно именно в его работах впервые в России получают развитие проблемы герменевтики и феноменологии. Шпет внимательно и бережно изучал наследие Гегеля. В последние годы своей жизни он всерьез взялся за перевод «Феноменологии духа», называл Гегеля своим «заслуженным собеседником». При этом, не будучи «гегельянцем» по сути и находясь в большей степени под влиянием Гуссерля, именно Г.Г. Шпет использовал диалектический метод Гегеля в герменевтике, утверждая, прежде всего, что слово диалектично по своей природе, а язык — это объективация духа [26, с. 34].

При анализе субъектно-объектных отношений у Шпета мы находим «опредмечивание объекта» и «опредмечивание субъекта», что указывает на диалогическое осмысление им отношений в структуре человеческой деятельности (процесса познания), когда ее внешний результат (социокультурное воздействие субъекта на предмет, выраженное в контекстуализации объективной реальности, исторического феномена) служит условием «опредмечивания», т.е. полученного в ответ влияния на состояние субъекта, и как результат — его изменение. Примечательно также, что у Шпета язык рассматривается как сущностное существование, а знание языка — как духовный опыт. Его гносеология опирается на трехмерное единство: «язык — сущность — духовный опыт» [25, с. 145 и далее].

Нельзя не заметить, что у теорий познания М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета общие источники. Бахтин подчеркивает субъективность и intersубъективность человека, его социальную сущность. В этом, прежде всего, прослеживается русская антропологическая философская традиция («когда в центре любого учения находится человек») и отражение славянофильского учения о «соборности»². Вместе с тем в работах

М.М. Бахтина можно найти влияние и немецкой классической философии, и неокантианства, и современной ему западной философии в целом. Тезис Бахтина о «живой реальности индивида и его деятельности как отправной точке» перекликается с философией К. Маркса. Те же источники влияния мы обнаруживаем и у Шпета. Его идеи об «общественном бытии» характерны для русской философии как «философии гипертрофированно вычлняющей человека, философии судьбы и пути человека, философии смысла и цели истории», в его размышлениях о «триединстве» «веры-общества-личности» прослеживается влияние концепций «соборности» и «всеединства», характерных для славянофилов, но одновременно его тексты свидетельствуют о том, что он находится под глубоким влиянием немецкой классической философии и М. Хайдеггера (1889–1976) [11, с. 197]. «Объективная субъективация» и «субъектная объективация» Шпета очень сходны с отстаиваемым Бахтиным гносеологическим методом выхода «за пределы субъектно-объектного отношений» [12, с. 281]. Таким образом, и у М.М. Бахтина, и у Г.Г. Шпета гносеология приобретает форму «познавательного поведения» и носит диалогический характер.

М.М. Бахтин и Г.Г. Шпет как продолжатели теории Э. Гуссерля

Герменевтические модели философии М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета отражают безусловное, хотя и в разной степени, влияние феноменологии Э. Гуссерля (1859–1938). Бахтин совершенствовал, развивал и использовал методы феноменологии в борьбе с формализмом, рассматривая отношения между отдельными субъектами, которые конструируют дискурс феноменологическим образом. Антропологическая герменевтика Бахтина очень тесно перекликается с феноменологией Гуссерля. В принципе, можно говорить о феноменологической методологии бахтинской традиции исследования личности³, а его диалектическую идею «intersубъективности» можно рассматривать как наследование и развитие родственных ему идей Гуссерля. Тем не менее между ними есть и различие. Бахтин с самого начала пы-

соборность как категория русской религиозной философии была осмыслена в наиболее совершенном виде. Центральным понятием концепции А.С. Хомякова является Церковь. Он характеризует Церковь как «единство во множественности», отождествляя соборность и Церковь. Основанием единства Церкви является свобода, «потому что единство её (церкви) есть не что иное, как согласие личных свобод». Главные конструктивные принципы, на которых основывается соборный мир Церкви, это «благодать, любовь и свобода» [14, с. 176–178]. Именно эти черты отличают, согласно А.С. Хомякову, православную Церковь от других христианских церквей.

³ В частности, см. работы Г.М. Кучинского [15].

¹ Значение понятия — см. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/282/%D0%92%D0%A1%D0%95%D0%95%D0%94%D0%98%D0%9D%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E

² Идея «соборности» является центральной в системе философских взглядов А.С. Хомякова, одного из основных и самых ярких представителей славянофильства в России XIX в. Именно в его работах

тался создать философию «единых» и «уникальных» экзистенциальных событий, и, судя по его более поздним работам, именно в связи с этим намерением разрабатывал различные области гуманитарных и естественных наук с позиции феноменологической методологии, проецируя, внедряя в гуманитарную сферу способы естественно-научного познания: «Борьба с теоретизированием, “теоретизмом” почти всегда является и борьбой с привнесением в гуманитарную сферу способа познания естественного мира, т.е. способа естественно-научного познания, рассуждения, понимания» [15, с. 153]. Для Бахтина лучший способ понять и объяснить культуру и живой мир — это построение «со-бытия», «поступка», основными элементами которого являются «Я» и «Другие», потому что, по его мнению, только участие в жизни в форме равноправного диалога с другими может гарантировать индивидуальность поведения. Бахтин писал о всепроникающем диалоге, диалогизме сознания и диалогизме жизни человека в целом, диалогизме в теории и диалогизме в практике: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, понимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всею жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [3, с. 351]. Что же касается Э. Гуссерля, то, несмотря на то что концепция «интерсубъективности» была впервые предложена именно им, избавившись от «психологизма», он пришел к категориям эпистемологической феноменологии, в царство «чистых» смыслов и «чистых» истин. Не отвергая значение живого мира для человеческой культуры, он, в отличие от М.М. Бахтина, не смог связать теоретический (мыслимый) мир с миром живым.

Г.Г. Шпет в своей книге «Явление и смысл», вышедшей первым изданием в 1914 г., критически осмыслил и развил феноменологию Гуссерля. Эта книга представляет собой первое в мировом академическом сообществе системное исследование феноменологии Э. Гуссерля. Шпет не только познакомил российского читателя с феноменологией как наукой и отражающими эту науку идеями Гуссерля, но дал им глубокую критическую оценку и попытался представить их в развитии, т.е. с точки зрения собственного видения того, что такое познание. Рассуждая об «интеллигибельной интуиции» как инструменте познания, Г.Г. Шпет считает, что «осуществление этой интуиции возможно <...> только в пространстве принципиальной корреляции бытия социального в его истории и “одушевляющих” эту историю коллективных усилий по уразумению ее логики, “един-

ства смысла” и “конкретной целостности”, на уровне знаков культуры, всегда имеющих предметный смысл» [23, с. 813]. Феноменология Гуссерля следует классической философской традиции — начиная с Платона в Древней Греции и позже Декарта и Канта, она погружена в «мир идей». Шпет выходит за рамки этой философии. От Гуссерля его отличает отношение к сущности и порядку феноменологических процедур и методов. Гуссерль выстраивает философию как фундаментальную науку о сознании, где познание является единственной формой исследования. Шпет рассматривал философию как своего рода априорный экзистенциализм, где познавательная деятельность — лишь одна из многих форм. Шпет уделяет внимание самому когнитивному процессу и структуре когнитивного поведения, «объекту сознания» и «значению», чтобы онтологизировать проблему. Шпет критикует Гуссерля за то, что тот различает бытие физического мира (физических вещей) и психического сознания, не учитывает социальное бытие как особый вид эмпирического бытия, отмечая его приоритетность.

Шпет интерпретирует феноменологию Гуссерля, оперируя такими категориями, как «объект сознания» и «поведение сознания». Он детально всматривается во внешние проявления объектов и сами объекты, отмечая, что для описания способов познания гуссерлевского разделения интуиции на два типа — опытную и идеальную — недостаточно. В предлагаемой Гуссерлем структуре, по мнению Г.Г. Шпета, отсутствует именно та составляющая, которая отвечает за формирование смыслов, — социальное бытие. Именно в этом, по Шпету, состоит основной недостаток теории Гуссерля. «Она не проясняет до конца вопроса о статусе той сферы сознания, которая собственно и образует смыслы» [Там же]. Исследуя феноменологическую теорию Гуссерля, отталкиваясь от неё, творчески её развивая, Шпет в указанной работе попытался сформулировать идеи своей теории герменевтики, связав её в единое пространство с философией языка. Он отметил, что теория Гуссерля ценна, прежде всего, тем, что стимулирует появление вопросов по поводу существующих в ее системе лакун. Ответить на некоторые из этих вопросов может помочь «...исследование смыслообразующей деятельности сознания так, как оно дано в социально-исторических связях, через введение особого рода первичной интуиции (социальной, герменевтической), направленной, прежде всего, на истолкование, интерпретацию словесных выражений» [Там же].

Влияние философии экзистенциализма

Исследуя сущностные положения герменевтики М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета, нетрудно обнаружить,

что многие идеи этих ученых несут на себе, помимо феноменологии, отпечаток философии экзистенциализма, формирование которой происходит именно в тот исторический период, современниками которого они были.

Бахтин и Шпет сходятся и в своем понимании «уникальности», «индивидуальности» личности. Г.Г. Шпет утверждает, что «Я» — это «Я», со своим, уникальным, временем и местом, уникальным рождением и уникальностью общества и истории в конкретный момент существования «Я». Сходство каждого «Я» с другими «Я» состоит в том, что каждый уникален и отличается от других. Аналогичным образом формулирует в своих работах уникальность «Я» и М. М. Бахтин. Если следовать хронологии высказываний, то Бахтина, в определенной мере, можно назвать последователем Шпета в определении «индивидуальности» / «уникальности» «Я».

При этом, понимая одинаково антропологические категории, такие как *Я, личность, уникальность* и т.п., М.М. Бахтин и Г.Г. Шпет частично расходятся в определении «вещей». Бахтин настаивает на принципиальном отличии личности от вещи. Он рассматривает «вещи» как физическую неодушевленную субстанцию, «мертвые вещи». Вещи, по Бахтину, обладают лишь внешностью, у вещи отсутствует активность, способная повлиять на процесс её познания. Шпет формально занимает другую позицию. Он утверждает, что «в окружающей нас действительности мы встречаем в первую очередь лишь социальные вещи в процессе практического оперирования ими»; «Положение вещей таково, что мы даже иной, кроме социальной, действительности не знаем»; «Физическая вещь — это не первичная данность, а результат последующего абстрагирования социальной вещи из поля взаимосвязей в соответствии с определенными прагматическими критериями» (цит. по [19]). Однако если мы обратимся к такой работе М.М. Бахтина, как «Искусство и ответственность», то обнаружим аналогии в трактовке «вещи» с позиции ее «социальности».

О «знаках», «речи» и «смысле знаков» как ключевых понятиях в концепции герменевтики М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета

М.М. Бахтин принципиально не разделял взглядов Ф. де Соссюра и выступал с критикой структурализма в целом и русского формализма в частности, поскольку в структурализме отсутствует связь знака и идеологии. Мы не найдем в его работах полного определения понятия «знак», поскольку о коммуникации между людьми он рассуждает с позиции металингвистики, особо подчеркивая социальную,

идеологическую, материальную и историческую природу символов и знаков. Вместе с тем, по мнению многих исследователей, Бахтин внес большой вклад в развитие семиотики как таковой¹, расширив ее предметное пространство. В.В. Иванов в своей известной работе, посвященной М.М. Бахтину, указывает на то, что Бахтин настаивал на связи исследований о знаках «с общей наукой об идеологиях, которую он предлагал создать» [13, с. 5].

Представляя обзор цитат М.М. Бахтина, посвященных связи знака и идеологии, В.В. Иванов делает акцент на следующих высказываниях: «Всему идеологическому принадлежит знаковое значение», «Все продукты идеологического творчества — произведения искусства, научные работы, религиозные символы и обряды и пр. — являются материальными вещами. Правда, эти вещи особого рода, им присуще значение, смысл, внутренняя ценность. Но все эти значения и ценности даны только в материальных вещах и действиях». Бахтин считает, что «речь — это идеологический феномен. Вся реальность языковой деятельности полностью растворяется в ее символической функции». Следовательно, языковое выражение выполняет символическую функцию и является самым чистым и самым искусным средством социальной коммуникации. По словам В.В. Иванова, в трактовке знака у Бахтина объединяются семиотический (знаковый) и аксиологический (ценностный) подходы [Там же].

Бахтин в своих исследованиях определяет интерактивную, диалогическую природу языка, размышляя об интерпретации и понимании. Понятия интерпретация и понимание не являются для Бахтина однозначными. Исходя из его представлений о «науках о духе» (науках гуманитарной сферы), следует, что их методология основывается на понимании, но не на объяснении причин и следствий происходящих событий. В своем обосновании «понимания» как основополагающего интерактивного компонента методологии гуманитарных наук он снова демонстрирует уже отмеченную выше преемственность своих взглядов и тесную связь с теорией В. Дильтея, утверждавшего необходимость формирования философских основ наук гуманитарной сферы, противопоставляя при этом ранее принятой, описательной (расчленяющей) «психологической» методологии методологию диалога, нацеленного на понимание. В научном творчестве М.М. Бахтина осуществилась «смена парадигм научного познания» в русской философской мысли, произошел «переход от мира науки к миру жизни» [28, с. 125]. «Психологической» трактовке личности Бахтин противопоставляет диалогический подход: «понимание» он трактует «не

¹ См., в частности, работы В.В. Иванова о М.М. Бахтине.

как проникновение в чужой замкнутый мир индивидуальности, “вживание” или “вчувствование”, не в терминах субъектно-объектных отношений, а в духе Гёте, говорившего: “Понять — значит развить слова другого человека внутри себя” [28, с. 139].

Делая акцент на понимании, Бахтин размышляет о корреляции понятий значение и смысл. В отличие, например, от Э. Гуссерля, для которого эти понятия равнозначны, в оценке М.М. Бахтина они представляют собой дихотомию. Он утверждает, что высказывание и слово имеют смысл, а не значение [1]. Смысл фразы не состоит из значений слов. Бахтин различает семантику и оценочно-смысловую составляющую высказывания. Смысл всегда диалогичен. Благодаря этому диалогу, погруженному в контекст, возможно расширение и приращение смыслов. Бахтин считает, что «смысл» — это всегда ответ на определенные вопросы. Вещи (события), которые не могут ответить ни на какие вопросы, лишены смысла.

Потенциал «смысла» бесконечен, но, если он хочет реализовать себя, он должен быть в контакте с другими «смыслами». Только так он может раскрыть новые факторы в своей собственной бесконечности.

Слово, высказывание и смысл составляют цель и содержание речевой деятельности, которая является главным объектом исследования в теории речевой коммуникации. М.М. Бахтин определял теорию речевой коммуникации как металингвистику, а речь для него — это всегда индивидуальный дискурс, имеющий конкретного автора. Именно в речевой деятельности, согласно М.М. Бахтину, состоит истинная жизнь языка, дающая основания для его динамических исследований. В основе уникальной теории речевой деятельности М.М. Бахтина лежит идея диалога. Согласно Бахтину «Быть — значит общаться диалогически» [4, с. 156]. Он понимает диалог и как состояние, и как процесс, и как цель; диалог онтологичен, диалог — «со-бытие», диалог — поступок, в котором не существует изолированного сознания. Именно диалог является фокусом бахтинской теории и определяет этическую сущность концепции М.М. Бахтина, является ее ценностным критерием.

Что же касается Г.Г. Шпета в его отношении к «знаку», то именно он одним из первых в России использовал термин «семиотика». А о слове в своей работе «История как предмет логики», опубликованной еще в 1922 г., он писал следующее: «История как наука знает только один источник познания — слово. Слово является формой, под которой историк находит содержание действительности, подлежащее его научному ведению, и слово является тем знаком, от которого историк приходит к своему предмету с его специфическим содержанием, составляющим значение или смысл этого знака» [24, с. 302–303].

И далее: «История как наука имеет дело со словом как знаком, который интересует историка прежде всего, и даже почти исключительно со стороны своего значения, т.е. со стороны того, о чем слово сообщает. Оно сообщает историку о разного рода социальных событиях, отношениях, состояниях, переменах и т.д.» [24, с. 309]. Нельзя не заметить, что в своем отношении к слову Шпет, как и Бахтин, соединяет семиотику и аксиологию, к его слову, как и у Бахтина, применима категория ценности. Слово у Шпета выступает как объект и способ оценивания. По мнению Шпета, сама герменевтика зарождается тогда, когда «зарождается желание отдать себе сознательный отчет о роли слова как знака сообщения» [24, с. 232]. В отношении слова как знака в коммуникации Шпет однозначно выступает предшественником Бахтина.

Развивая идеи феноменологической герменевтики в своих работах, Г.Г. Шпет исследовал и определял такие категории, как интерпретация, понимание, смысл и значение. В рамках герменевтической парадигмы Шпет допускал многозначность и однозначность интерпретации. Путь к однозначности интерпретации, согласно Шпету, предполагает четкое разграничение понятий «значение» и «смысл». Рассуждая об однозначности смысла в отличие от потенциальной многозначности словарного значения, Шпет связывал однозначность с контекстом и процессом контекстуализации. Некоторые его мысли предвосхищали последующее развитие теории межкультурной коммуникации с ее идеей концептов культуры, ставшей особенно популярной в конце XX в. В контексте герменевтической модели коммуникации Шпет рассматривает и речевую деятельность. Процесс ее реализации он определяет как движение от интерпретативного многообразия к смысловой однозначности.

Вслед за Гумбольдтом Шпет рассуждает о связи языка (речи) и языкового сознания как одного из компонентов сферы духовной жизни, гуманитарного знания.

Предварительные результаты исследования

Наше предварительное исследование, как нам кажется, в достаточной степени демонстрирует тесную связь и даже определенную преемственность (наследование и развитие — если иметь в виду М.М. Бахтина) философских взглядов и сущностных, принципиальных позиций в теоретических концепциях Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина. Это касается не только общих научных истоков (В. Гегель, В. Гумбольдт, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Маркс и др.) и общих

преференций в современных им научных исследованиях, но, прежде всего (несмотря на формальный полемический настрой М.М. Бахтина и некоторые фактические различия в оценках и взглядах), концептуального схождения в ряде принципиальных вопросов, объединяющих обоих ученых рамками герменевтики, и конкретнее — герменевтической модели коммуникации. Это касается общих взглядов на методологию гуманитарного знания, методологию познания, интересубъективности понимания, интереса к динамике развития, со-бытию и поступку, отношения к слову как к знаку, к контекстуализации как условию обретения смысла, отношение к речи как к поступку, её принадлежность автору, в целом — интерес к практике социального взаимодействия людей (ср. концептуальные подходы К. Маркса к вопросам социального взаимодействия) и др. Их теории, каждая по-своему, ценны, многогранны и до конца не исчерпаны с точки зрения научного потенциала, проекции и влияния на современную гуманитарную науку. Большой научный интерес представляет и комплексное (сравнительное) исследование всех научных трудов М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета как совокупный феномен истории русской (советской) философии

К сожалению, глубокого и системного сравнительно-сопоставительного изучения научного наследия Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина ни в России, ни в других странах до сих пор не проводилось. Такое исследование чрезвычайно востребовано и могло бы дать полезные результаты именно сейчас. Узловые концепты теорий Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина — *личность, уникальность, индивидуальность, слово, ценность, поступок, ответственность, понимание, диалог* — становятся более чем актуальными научными кате-

гориями и целевыми установками динамики развития мира и общества с позиции всех форм и аспектов переживаемой нами глобализации, в условиях проявления радикального национализма и популизма, с учетом современных тенденций международных отношений, социального взаимодействия и развития.

Заключение

Одним из направлений комплексного изучения наследия Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина могло бы стать изучение их общего вклада в герменевтику коммуникации. Этот общий вклад выражается в определенной диахронической преемственности, суть которой состоит в том, что сначала Шпет сформировал принципы своей модели на основе своего видения герменевтики, а потом Бахтин развил и использовал в своих трудах принципы герменевтики Г.Г. Шпета, в частности, его герменевтическую модель коммуникации, расширив её культурологической составляющей и распространив «на все знаковые явления интеллектуальной жизни» [13, с. 5].

И если специфика герменевтического подхода Г.Г. Шпета с точки зрения философии и коммуникативистики достаточно четко определена и описана [22 и др.], то в отношении наследия М.М. Бахтина это, как нам кажется, сделано еще не в достаточной степени. Связано это с тем, что Шпет сам указывает на коммуникативный аспект герменевтики и демонстрирует, что герменевтика его интересует именно с этих позиций. Диалог Бахтина в большей степени изучен в контексте литературоведения, лингвистики и культурологии¹. Глубокое осмысление его теории с позиции современной философии и современной коммуникологии еще предстоит.

¹ Отметим, что в знаменитом учебнике Г.Г. Почепцова [19] «Теория коммуникации» модель коммуникации М.М. Бахтина вместе с моделью коммуникации Г.Г. Шпета включена в один раздел, но дифференцирована по областям гуманитарного знания, т.е. определяется как культурологическая, в отличие от герменевтической модели Шпета.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин; сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи [Текст] / М.М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1986. — 545 с.
3. Бахтин М.М. 1961 год. Заметки [Текст] / М.М. Бахтин // Собр. соч.: в 7 т. — Т. 5. — М.: Изд-во Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 1996. — С. 329–374.
4. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. — М.: Русские словари, 2000. — Т. 2. — С. 7–175, 428–543.
5. Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук [Текст] / М.М. Бахтин. — СПб.: Азбука, 2000. — 336 с.
6. Бонецкая Н.К. Жизнь и философская идея Михаила Бахтина [Текст] / Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. — 1996. — № 10. — С. 94–112.
7. Бонецкая Н.К. М.М. Бахтин и традиции русской философии [Текст] / Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. — 1993. — № 1. — С. 83–93.
8. Гогтишвили Л.А. Комментарии к работам Бахтина [Текст] / Л.А. Гогтишвили // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. — Т. 5. — М., 1996. — 732 с.
9. Гурьянов А.С. Диалог М. Бахтина в коммуникативном, культурологическом и экзистенциальном измерениях [Текст] / А.С. Гурьянов // Вестник Казанского государствен-

- ного энергетического университета. — 2011. — № 2. — Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2011. — С. 106–114.
10. Дворкин И.С. Место идей Германа Когена в философии Диалога [Текст] / И.С. Дворкин // Кантовский сборник. — 2020. — Т. 39. — № 4. — С. 62–94.
 11. Зеньковский В. История русской философии [Текст] / В. Зеньковский. — М.: Академический проект, Раритет, 2001. — 880 с.
 12. Зинченко В.П. Мои учителя и заслуженные собеседники [Текст] / В.П. Зинченко // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко / Под ред. Т.Г. Щедринной. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 281–582.
 13. Иванов В.В. Значение работ М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики [Текст] / В.В. Иванов // Труды по знаковым системам. — Вып. VI. — Тарту, 1973. — С. 5–44.
 14. Колесова И.С. Учение о соборности А.С. Хомякова [Текст] / И.С. Колесова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — С. 176–184.
 15. Кучинский Г.М. М.М. Бахтин и феноменологический метод исследования личности [Текст] / Г.М. Кучинский // Методология и история психологии. — 2007. — Т. 2. — Вып. 1. — С. 151–163.
 16. Николаев Н.И. М.М. Бахтин, Невельская школа философии и культурная история 1920-х годов [Текст] / Н.И. Николаев // Бахтинский сборник. — М., 2004. — Вып. 5. — С. 210–280.
 17. Писарчик Л.Ю. Проблема специфики «Наук о духе» в методологии гуманитарного познания В. Дильтея [Текст] / Л.Ю. Писарчик // Вестник ОГУ. — 2012. — № 1. — С. 56–66.
 18. Писарчик Т.П. Разработка методологии гуманитарного познания и проблема диалога в концепции М.М. Бахтина [Текст] / Т.П. Писарчик // ВЕСТНИК ОГУ. 2012. — № 7. — С. 46–54.
 19. Плотников Н.С. Искусство и действительность. Гегель, Шпет и русская эстетика [Текст] / Н.С. Плотников // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2015. — № 4. — С. 71–84.
 20. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации [Текст] / Г.Г. Почепцов. — 2-е изд. — М.: СмартБук, б/г. — 651 с.
 21. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре [Текст] / Г. Риккерт. — М.: Республика, 1998. — 410 с.
 22. Савруцкая Е.П. Проблема коммуникации в немецкой философии XX века (Ю. Хабермас, Н. Луман, К. Апель) [Текст] / Е.П. Савруцкая // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социология. Психология. Философия». — 2010. — № 3. — С. 364–368.
 23. Чубаров И. Шпет Г.Г. Явление и смысл [Текст] / И. Чубаров // Русская философия. Энциклопедия. — 2-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина; сост. П.П. Апрышко, А. Поляков. — М., 2014. — С. 813–814.
 24. Шпет Г.Г. История как предмет логики [Текст] / Г.Г. Шпет // В сб. «Историко-философский ежегодник 88». — М.: Наука, 1988. — 384 с.
 25. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию [Текст] / Г.Г. Шпет. — СПб.: П.Э.Т. при участии Алетея, 1996. — 156 с.
 26. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта [Текст] / Г.Г. Шпет. — М.: УРСС Эдиториал, 2006. — 216 с.
 27. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы [Электронный ресурс]. — URL: https://vk.com/doc165260858_619468887?hash=NHuffsizdZlZ7ZHkHwzKZpZAnVzy6J8i8qfrdpliz (дата обращения: 10.09.2022).
 28. Юрченко Т.Г. Интерпретация или понимание: О бахтинистике начала XXI века [Текст] / Т.Г. Юрченко // Современная наука о литературе: Основные тенденции и проблемы: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения; отв. ред. Е.А. Цурганова. — М., 2018. — С. 119–141.
 29. Dilthey W. The Understanding of Other Persons and their Life-expressions. /In Theories of History. Edited by Patrick Gardiner. Translation by J. Knehl. Glencoe, IL: Free Press, 1959, 213-25. From GS, VII, 205–20. [See Descriptive Psychology and Historical Understanding].

References

1. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva / Sost. S.G. Bocharov; Tekst podgot. G.S. Bernshteyn i L.V. Deryugina; Primech. S. S. Averintseva i S.G. Bocharova. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s.
2. Bakhtin M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. 545 s.
3. Bakhtin M.M., 1961 god. Zametki / Sobranie sochineniy v 7 t. T. 5. M.: Institut mirovoy literatury im. A.M. Gor'kogo RAN, 1996. S. 329–374.
4. Bakhtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo // Bakhtin M.M. Sobr. soch.: V 7 t. M.: Russkie slovari, 2000. T. 2. S. 7–175, 424–543.
5. Bakhtin M.M. Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. SPb.: Azbuka, 2000. 336 s.
6. Bonetskaya N.K. Zhizn' i filosofskaya ideya Mikhaila Bakhtina // Voprosy filosofii. 1996. № 10. S. 94–112.
7. Bonetskaya N.K. M.M. Bakhtin i traditsii russkoy filosofii // Voprosy filosofii. 1993. № 1. S. 83–93.
8. Gogotishvili L.A. Kommentarii k rabotam. //Bakhtin M.M. Sobranie sochineniy v 7 t. T. 5. M., 1996. 732 s.
9. Gur'yanyov A.S. Dialog M. Bakhtina v kommunikativnom, kul'turologicheskom i ekzistentsial'nom izmereniyakh // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta. 2011. № 2. Kazan': Kazanskiy gosudarstvennyy energeticheskii universitet, 2011. S. 106–114.
10. Dvorkin I.S. Mesto idey Germana Kogena v filosofii Dialoga // Kantovskiy sbornik. 2020. T. 39. № 4. S. 62–94.
11. Zen'kovskiy V. Istoriya russkoy filosofii. M.: Akademicheskii Proekt, Raritet, 2001. 880 s.
12. Zinchenko V.P. Moi uchitelya i Zasluzhennyye sobesedniki / Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya. K 80-letiyu Vladimira Petrovicha Zinchenko. Pod red. T.G. Shchedrinoy. M.: ROSSPEN, 2011. S. 281–582.
13. Ivanov V.V. Znachenie rabot M. M. Bakhtina o znake, vyskazyvani i dialoge dlya sovremennoy semiotiki // Trudy po znakovym sistemam. Vyp. VI. Tartu. 1973. S. 5–44.
14. Kolesova I.S. Uchenie o sobornosti A.S. Khomyakova // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. S. 176–184.
15. Kuchinskiy G.M. M.M. Bakhtin i fenomenologicheskii metod issledovaniya lichnosti // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2007. T. 2. Vyp. 1. S. 151–163.
16. Nikolaev N.I. M.M. Bakhtin, Nevel'skaya shkola filosofii i kul'turnaya istoriya 1920-kh godov // Bakhtinskiy sbornik. M., 2004. Vyp. 5. S. 210–280.
17. Pisarchik L.Yu. Problema spetsifiki «Nauk o dukhe» v metodologii gumanitarnogo poznaniya V. Dil'teya // Vestnik OGU. 2012. № 1. S. 56–66.
18. Pisarchik T.P. Razrabotka metodologii gumanitarnogo poznaniya i problema dialoga v kontseptsii M. M. Bakhtina // Vestnik OGU. 2012. № 7. S. 46–54.
19. Plotnikov N.S. Iskusstvo i deystvitel'nost'. Gegel', Shpet i russkaya estetika // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2015. № 4. S. 71–84.
20. Pocheptsov G.G. Teoriya kommunikatsii. 2-e izdanie. M.: SmartBuk. 651 s.
21. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture / G. Rikkert. M.: Respublika, 1998. 410 s.
22. Savrutsкая E.P. Problema kommunikatsii v nemetskoy filosofii XX veka [Interpretation or Understanding: On Bakhtinist Studies at the Beginning of the 21st Century]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, Seriya «Sotsiologiya. Psikhologiya. Filosofiya» [Bulletin of the Nizhny Novgorod

- University. N.I. Lobachevsky, Series "Sociology. Psychology. Philosophy"]. 2010. 3. S. 364–368.
23. Chubarov I. Shpet G.G. Yavlenie i smysl / Russkaya filosofiya. Entsiklopediya. Izd. vtoroe, dorabotannoe i dopolnennoe. Pod obshchey redaktsiey M.A. Maslina. Sost. P.P. Apryshko, A. Polyakov. Moscow, 2014, pp. 813–814.
24. Shpet G.G. Istoriya kak predmet logiki / V sb. «Istoriko-filosofskiy ezhegodnik 88». M.: Nauka, 1988. 384 s.
25. Shpet G. G. Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu [Introduction to ethnic psychology]. St. Petersburg: P.E.T. pri uchastii izdatel'stva «Aleteyya» Publ., 1996. 156 p.
26. Shpet G.G. Vnutrennyaya forma slova: Etyudy i variatsii na temy Gumbol'ta [The internal form of the word: Etudes and variations on the themes of Humboldt]. Moscow: URSS Editorial, 2006. 216 s.
27. Shpet G.G. Germenevtika i ee problem [Hermeneutics and its problems]. Available at: https://vk.com/doc165260858_619468887?hash=NHuffszidzIZ7ZHkHwzKZpZAnVzy6J8i8qfrdpliz (accessed 10 September 2022).
28. Yurchenko T.G. Interpretatsiya ili ponimanie: O bakhtinistike nachala XXI veka / Sovremennaya nauka o literature: Osnovnye tendentsii i problem [The Understanding of Other Persons and their Life-expressions]. RAN. INION. Tsentr gumanit. nauch.-inform. Issled [In Theories of History. Edited by Patrick Gardiner]. 2018, pp. 119–141.
29. Dilthey W. The Understanding of Other Persons and their Life-expressions / In Theories of History. Edited by Patrick Gardiner. Translation by J. Knehl. Glencoe, IL: Free Press, 1959, 213–225. From GS, VII, 205–220. [See Descriptive Psychology and Historical Understanding]